

Максим ЛАВРЕНТЬЕВ

## МЫ ВЫШЛИ ИЗ ТЕНИ НА СВЕТ

*Стихотворения*

\* \* \*

Мы вышли из тени на свет,  
и стало понятно: нас нет,  
впустую и опыт и навык.  
А мысли похожи на снег:  
растаял – и ну его на фиг.

И то, что мы вымели – сор,  
и то, что мы видели – сон,  
хотя бы и самый сладчайший.  
И кажется, дело – труба.  
Но чей этот белый тюрбан  
и кто эти трое над чашей?

А этих знакомы пяты.  
Они пребывали в Пути  
медлительнее черепахи.  
Теперь они пляшут в огне,  
наружно впадая во гнев,  
увешанные черепами.

Ты думаешь, это гашиш?  
Ты хочешь остаться, а – шиш!  
Открыта для тех, кто не в теме,  
реальность, лишённая форм,  
где сутью становится фон,  
а фоном – кромешная темень.

\* \* \*

После каждой духовной пьянки  
(дело, может быть, в освещенье)  
боги с вами играют в прятки,  
забиваются во все щели.

Разберёшься тут в их законах!  
Начинается снова ломка.  
Только кто это высоко так  
мчится по ветру, словно лодка?

Это кто там бредет по саду?  
Не похож на обычных нищих  
обнажённый бродяга-садху,  
что давно ничего не ищет.

Для него каждый миг сакрален,  
каждый вздох преисполнен праны.  
Он привык наблюдать с окраин  
ваши поиски новой правды.

Всюду видит он танец Шивы  
(дело, может быть, в освещенье),  
и сигналившие машины  
вызывают в нём восхищенье.

\* \* \*

*(из Гао Ци.)*

Я опоздал к перевозу. Лодочник ждать не стал –  
судно его вдали.  
Может быть, в лодке ушедшей заняты все места  
жителями долин?  
Может, один перевозчик сгорбился на корме,  
полузакрыв глаза?  
Так это или иначе, не разглядеть во тьме –  
с юга пришла гроза.

Хлещет безжалостно ливень! Вымок до нитки я,  
мне не спастись никак.  
Думаю, стоя под ивой, что-то об Инь и Ян  
в зарослях тростника.  
Тот, кто в Пути был так долго, может и подождать:  
холодно ли, жара ль –  
дух безмятежно спокоен. Сквозь пелену дождя  
вдруг пролетел журавль!

\* \* \*

*Сергею Арутюнову*

Нас не признали «толстяки»,  
и приютили нас кварталы,  
где были первые стихи  
еще младенчески картавы.  
Там Бродский череп не сверлил,  
туда не заползал Асадов,  
там одуванчики цвели  
среди облупленных фасадов.

Сегодня дурно стало мне;  
прилёт с таблеткой на диванчик  
и, словно в мимолётном сне,  
такой увидел одуванчик.  
Затеял ветер с ним игру:  
«Какой ты беззащитный, шаткий!»  
И одуванчик на ветру  
качал своей пушистой шапкой.

\* \* \*

Идёт поэт к воротам рая,  
несёт стихи, несёт роман,  
а Пётр, ворота запирая,  
кричит ему: «Держи карман!  
Чего ты сделал? дом построил?  
сад вырастил? Стишки писал!

Да это ж самое простое,  
не хуже мог бы я и сам.  
Дай только срок, такое выдам...  
А, шут с тобою! Упросил!»  
И долго с вдохновенным видом  
верлибры Пётр произносил.  
Расчувствовавшись, отпер всё же.  
Глядь – никого. «Что за фигня?» –  
подумал Пётр и молвил: «Боже,  
ну и работка у меня!»

\* \* \*

Мадам, как вы ужасно побледнели,  
на каждом оступаетесь шагу,  
а губы шепчут: «Боже, неужели...»  
Позвольте, я взойти вам помогу.

Что, душно? Ну! Подумаешь, несчастье!  
Давайте-ка его исправим вмиг.  
Доверьтесь мне, я спец по этой части:  
секунда – и распахнут воротник.

С каррарских плеч немного платье спустим,  
волос отбросим рассыпную медь...  
Да что ж опять творится с вашим пульсом!  
Так можно и в могилу загреметь.

Ложитесь головой вот эдак, чтобы  
скорей унялся истеричный плач.  
Я вас, мадам, не обвиняю, что вы!  
Ведь я не обвинитель, а палач.